

Когда Чу Тань поднялся на трибуну и занял своё место, свист и гул вокруг наконец немного утихли.

Студенты Университета Б расположились в левом секторе. Цзинь Цзяньсин заблаговременно выхлопотал для Чу Таня лучшее место — в самом центре первого ряда. Отсюда открывался идеальный обзор, а при желании можно было буквально дотянуться до игроков.

На счастье — или на беду — ребята с факультета актёрского мастерства во главе с Сун Синем сидели неподалёку. Едва Чу Тань опустился на сиденье, как Сун Синь уже материализовался рядом и без обиняков огорошил:

— Вы с Цзинь Цзяньсином что, сговорились? Что между вами происходит?

Не виделись-то всего ничего, а они уже не разлей вода.

Совсем недавно Чу Тань упоминал, что Цзинь Цзяньсин ни с того ни с сего набился ему в «братаны». По кампусу даже поползли слухи, будто они роднее родных братьев, но Сун Синь и подумать не мог, что эта «братская любовь» зайдёт так далеко.

Неужели гетеро-парни реально так общаются? Ладно Цзинь Цзяньсин — стопроцентный натурал, но Чу Тань-то гей!

— Да ничего не происходит... — ровно отозвался Чу Тань.

Изумление приятеля его ничуть не тронуло. Мысли Чу Таня витали далеко от этой темы: вокруг колыхалась толпа, сотни глаз сверлили его со всех сторон, и он пытливо раздумывал, не натянуть ли капюшон.

— В смысле «ничего»? — не унимался Сун Синь. — Вы пили из одной бутылки! И после этого ты утверждаешь, будто ничего нет?

— Это была не моя вода. Я принёс её из общаги специально для него.

Сун Синь уставился на него с немым вопросом:

— Ты что, подсыпал туда афродизиак? Зачем тащить воду из комнаты, тут мало продают?

— Глупости не неси. С какой стати?

В подобных товарищеских матчах игроки порой грешили стимуляторами, чтобы выжать из организма максимум. Но это же подло и неспортивно! С чего Цзинь Цзяньсину опускаться до

такого? Да и нужен ли ему допинг, чтобы крушить всё на своём пути?

— Ему стимуляторы не нужны.

Фраза прозвучала весомо, заставив воображение Сун Синя разгуляться вовсю. Если Чу Тань говорит, что Цзинь Цзяньсин и без допингов зверь, значит, тот и впрямь невероятно силен. Но откуда Чу Тань это знает?

Поразмыслив пару секунд, Сун Синь нахмурился и выложил самый главный вопрос:

— Слушай... а ты в его губы уже впился?

От такого захода Чу Тань едва не поперхнулся воздухом.

— Только не говори, что до сих пор нет! Вы же так сблизились. Скажи ему прямо: мы же бро, давай ты меня поцелуешь! Или я тебя, какая разница?

—... Ты хоть раз видел, чтобы прямые как рельсы парни целовались?

Сун Синь задумался. Вроде бы натуралы способны на любую дичь во имя дружбы, но вот целоваться... точно нет. Возразить было нечего. Потеряв пыл, он обмяк, словно стебель на ветру, и беспечно прислонился головой к плечу Чу Таня.

Цзинь Цзяньсин, как раз глотавший воду у скамейки запасных, заметил эту картину, сдвинул брови и тут же поперхнулся.

Он кашлял уже раз в третий, чем окончательно вывел из себя Янь Цзыцзина. Тот повернулся к Не Жуну и Не Чжэню:

— Что с вашим кэпом? У него что, бронхит обострился? То и дело заходится.

— Насчёт бронхита не знаю, — ухмыльнулся Не Жун, — а вот подкаблучником он точно становится.

Не Чжэнь лишь молча покачал головой.

— Брат Тань!

Звонкий девичий голос перекрыл гул трибун. К ним подбежала Дин Юэси, наряженная в изящный твидовый костюмчик от кутюр, и без церемоний заняла место рядом.

Она лишь вскользь глянула на развалившегося Сун Синя и приковала взгляд к Чу Таню:

— Брат Тань, ты сегодня просто неотразим!

— А он будто в другие дни попроще выглядит, — поддел Сун Синь.

— В другие тоже прекрасен, но сегодня — особенно!

Дин Юэси ослепительно улынулась. И ведь не соврала: Чу Тань облачился во всё белое и, вопреки своей привычке, не стал надевать кепку. Он восседал на трибуне словно сказочный принц — с самого момента своего появления в спорткомплексе казалось, будто он сошёл с пьедестала, озарённый сиянием.

Кто бы ни бросил на него взгляд — терял голову. Повсюду на трибунах шептались только о нём.

Как вообще парень может обладать настолько феноменальной внешностью? Мужественная стать и утончённое изящество — черты, казалось бы, несовместимые — сливались в нём в абсолютной гармонии. Длинные ноги, узкая талия, точёные развёрнутые плечи... Даже когда он сдвигал брови, от него невозможно было оторвать глаз.

Настоящий магнит для взоров — ровно как в классическом стихе: «Заставил склониться не одного героя».

На всю похвалу Чу Тань лишь сдержанно улыбался. Троица на трибуне непринуждённо беседовала, привлекая внимание окружающих: красивые, яркие, они приковывали к себе сотни глаз.

Не Жун, Не Чжэнь и Янь Цзыцзин и вовсе замерли, разинув рты. Дин Юэси была признанной музой для первых двух; Янь Цзыцзин держался сдержаннее и время от времени переводил взгляд на капитана.

Впрочем, лучше бы он не смотрел. Цзинь Цзяньсин чеканил мяч о паркет с такой яростью, будто снаряд лично нанёс ему смертельное оскорбление. Гулкий стук чуть не пробивал пол насквозь.

Янь Цзыцзин потерял дар речи.

Тем временем трибуны взорвались очередным шквалом криков: на площадку выходила сборная Университета Тонда.

Команда шествовала внушительной колонной. Их тёмно-синяя форма разительно

контрастировала с ярко-алой экипировкой Университета Б. Возглавлял шествие Фу Синьбо — ключевой игрок Тонда, находившийся в самом центре внимания.

Фу Синьбо и Цзинь Цзяньсин давно стали заклятыми соперниками. Оба — признанные принцы своих университетов, оба не переносили друг друга на дух, да ещё и учились на конкурирующих факультетах. Неудивительно, что между ними постоянно искрило.

Впрочем, Цзинь Цзяньсин не ставил соперника ни во что. Мало кого он вообще достаивал внимания.

Даже когда сборная Тонда прошла мимо, Цзинь Цзяньсин продолжал с ленивой вальяжностью стучать мячом. Игроки Университета Б переняли тон капитана: без демонстративной пренебрежительности, но с абсолютным, подавляющим равнодушием.

Форвард Тонда, Юэ Бин, от такой наглости моментально вспыхнул и дёрнулся было разобраться, но ледяной взгляд Фу Синьбо осадил его на месте.

Цзинь Цзяньсин вовсе проигнорировал их демарш, переведя взор на Янь Цзыцзина. Тот всем своим видом демонстрировал: «Я этих тигров не знаю, отморозки из Тонда — это отдельный диагноз».

Фу Синьбо задержал взгляд на Янь Цзыцзине, однако тот даже глазом не моргнул, будто перед ним пустое место.

Напряжение, и без того висевшее в воздухе, накалилось до предела.

Первый тайм начался без раскочки. Никто не собирался уступать, рубились всерьёз, но благодаря присутствию Цзинь Цзяньсина преимущество по очкам уверенно удерживал Университет Б.

На паркете кипела жестокая схватка, а на трибунах бесновались болельщики. Сквозь невообразимый гвалт Чу Тань, пристально следивший за игрой, указал на лидера соперников:

— Кто это?

— Фу Синьбо! Принц школы из Тонда. Брат Тань, ты правда его не знаешь? — опередив Сун Синя, быстро ответила Дин Юэси. Её искренне изумило, что Чу Тань не слышал о такой фигуре.

Фу Синьбо и Цзинь Цзяньсин гремели на оба вуза. Вузовские атлеты, красавцы, обладатели феноменальной физической формы и чудовищной выносливости!

Их спортивные показатели казались человеческому разуму немыслимыми. Подтягивания на

одной руке? Фу Синьбо выжимал три сотни за полчаса. Цзинь Цзяньсин и тут превзошёл его — триста пятьдесят, причём хоть прямым, хоть обратным хватом!

А ведь мировой рекорд — едва за четыреста...

Скоростные отжимания? Фу Синьбо держится два часа подряд. А у Цзинь Цзяньсина временного предела попросту нет — он способен отжиматься бесконечно. Ходили слухи, будто его личный рекорд — сутки непрерывных отжиманий со сменой рук. И если бы дед не вытащил его с тренировки, он бы спокойно продолжал и дальше.

Абсолютные монстры. Бывалые спортсмены сдавались перед их показателями. Добавьте к этому рельефную мускулатуру, литые кубики пресса, зубчатые мышцы, вздувающиеся вены во время нагрузок, смуглый золотистый загар... Чистый тестостерон во плоти.

К тому же оба не прочь порадовать публику: то сбросят майку на радость визжащим фанаткам, то выльют на себя бутылку ледяной воды, давая струям стекать по напряжённым мускулам... Живые иконы!

И о таком человеке Чу Тань даже не слышал?!

— Не приходилось, — спокойно покачал головой Чу Тань.

Дин Юэси расписала подвиги соперника во всех красках, отчего у Сун Синя едва слюнки не потекли, но Чу Тань остался абсолютно равнодушен. Все эти спортивные рекорды звучали для него как нечто самое обыденное.

Впрочем, для него это действительно стало обыденностью.

С тех пор как Цзинь Цзяньсин вознамерился стать ему «настоящим братом», весь свой тренировочный арсенал он перенёс прямиком в их комнату. Отжимания на одной руке, скручивания на краю кровати, подтягивания с вращением хулахупа — он вытворял это целыми вечерами без перерыва.

То взрывные сеты, то изнурительный темп — и всё это с обнажённым торсом, демонстрируя литые мускулы груди и пресса.

На фоне этого что мог показать Фу Синьбо?

Дин Юэси потеряла дар речи.

Пока на трибунах шла оживлённая беседа, на паркете разворачивалась настоящая драма. Под неистовый рёв болельщиков матч достиг своего пика. Игроки брызгали потом, выдыхались, но

сражались за каждый сантиметр площадки, не позволяя отрыву стать критическим.

Пока Цзинь Цзяньсин не вколотил очередную трёхочковую «бомбу».

Фанатки Университета Б оглушили зал победным воплем: этот бросок практически гарантировал им триумф в первом тайме. Однако сам виновник торжества лишь привычно задрал край майки, вытирая пот с лица, не проявив ни капли бурных эмоций.

Капли пота стекали по подбородку; влажные, выразительные черты лица выглядели ещё более чеканными и хищными. Каждый разворот, каждый взгляд из-под бровей дышали первозданной дикой грацией.

Огненный, неукротимый парень, обладатель мощного, атлетичного тела... На его широкий, залитый светом силуэт невозможно было не смотреть.

И в следующее мгновение этот сияющий силуэт развернулся. Взгляд Цзинь Цзяньсина безошибочно нашёл на гудящих трибунах единственный знакомый образ.

Обжигающий взор, способный испепелить всё вокруг, безраздельно прикипел к Чу Таню, обжигая каждую клетку его кожи...

В его расширившихся зрачках отпечаталась улыбка Цзинь Цзяньсина: изящный изгиб губ, наливной контур, соблазнительная подушечка... Безудержная, властная улыбка полностью захватила разум Чу Таня.

Тело отозвалось сладкой тревогой, но сильнее всего дрогнули губы. Внутренний, непреодолимый зуд вырвался из глубины на поверхность.

Он расплзся по каждой жилке, наполняя вены иссушающей жадой и диким нетерпением, подступая к самому горлу комком, готовым вырваться наружу.

Огонь безумного голода! Как же страстно он жаждал прикоснуться к этим губам!

Впитать их влагу, пропитать ею каждую складку собственных губ, заполнить каждый изгиб... Сжаться, впиться, прижаться мокрой кожей к коже... Тереться, сминать, терзать, пока влага не заполнит всё существо, пока не раздавит, не разрушит его до основания...

Взгляд Чу Таня затуманился пеленой влажного вожделения, мелкая дрожь охватила всё его тело.

И в тот самый миг, когда в его расширенных зрачках не осталось ничего, кроме Цзинь Цзяньсина, сокрушительный снаряд — тяжёлый баскетбольный мяч — на бешеной скорости

полетел прямиком ему в лицо...

<http://bllate.org/book/20661/2132178>